151 2/33 1877 г.

ПОКОРЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ

и

БРАКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО

ИВАНА III

съ

СОФІЕЮ ПАЛЕОЛОГЪ.

С. СУХАРЖЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1877.

157 2/33

ПОКОРЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ

и

БРАКЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО

ИВАНА III

съ

СОФІЕЮ ПАЛЕОЛОГЪ.

С. Сухаржевскаго.

Книжный магазинъ И. И. ГЛАЗУНОВА въ Москвѣ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1877.

2416 7
10-II 1928

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 іюня 1877 года.

24167
10-II 1925

I.

Источники: Histoire Lebau; Георгія Франца; Осада и взятіе Византіи турками—Стасюлевича; Русская Исторія часть 2—Костомарова; Исторія Государства Россійскаго—Карамзина; Русская исторія—Щербатова; Исторія Россіи—Соловьева; Исторія Россіи—Полеваго; Русскія женщины—Мордовцева.

Византійская Имперія, знаменитая въ свое время могуществомъ, великолѣпіемъ и даже ученостью, въ половинѣ XV вѣка представляетъ намъ самую печальную картину. Въ это время она была до такой степени разстроена, силы ея были до того слабы, что не смотря на самыя отчаянныя усилія, она не въ состояніи была не только съ честью отражать враговъ, но и отстоять свою независимость. Нѣтъ сомнѣнія, что такое сильное разслабленіе, такой разладъ въ организмѣ Имперіи происходилъ медленно, въ теченіе долгихъ лѣтъ. Не мало нужно было времени для того, чтобы эта, когда то первенствующая Имперія, дошла до такого глубокаго паденія. И дѣйствительно, исторія показываетъ намъ, что Византія явно стала обнаруживать свое безсиліе гораздо ранѣе XV вѣка. Еще во времена крестовыхъ походовъ, даже первыхъ, мы находимъ ее въ весьма затруднительномъ положеніи, она уже тогда является

слабою, изнеможенною державою, а изъ этого можно заключить, что Византія не мало утратила внутренней жизни и силы еще до крестовыхъ походовъ. Но мы не будемъ сходить къ той отдаленной эпохи, когда было положено первое основаніе паденію Византійской Имперіи. Довольно и этого времени, чтобы видѣть какъ долго она приближалась къ своей печальной участи. При этомъ замѣтимъ, что въ періодъ своего паденія Византія не воспитала въ своихъ предѣлахъ ни одной личности, которая бы съумѣла возстановить ея силы, собрать и слить воедино, отпадающія одна за другою, части Имперіи и тѣмъ спасти ее отъ конечнаго и постыднаго порабощенія. Но что такое была Византія въ разбираемую нами эпоху? Какія личности выдавались на политической ея аренѣ какія причины привели ее къ окончательной гибели?

Еще при вступленіи Іоанна VI на престолъ, говоритъ Стасюлевичъ, Византійская Имперія утратила свое единство; отецъ его Мануилъ II, умирая, въ 1426 году, раздѣлилъ Имперію между своими дѣтьми на деспотства или господарства. Старшій сынъ, Іоаннъ VI остался въ Византіи съ титуломъ Императора; второй, Андроникъ, получилъ на берегу Архипелага Θессалину (Салоники) со всею прилежащею къ ней областью; третій, Θеодоръ, взялъ Спарту съ округомъ; на долю четвертаго сына Мануила II, Константина, которому было тогда около 22 лѣтъ, достались два города на берегу Чернаго моря Анхіалъ и Месамбрія, съ прилегавшею къ нимъ страною; пятый, Дмитрій порфирородный *) получилъ удѣлъ на берегу Мраморнаго моря съ го-

*) Порфиродными назывались тѣ принцы, которые рождались въ порфир-

родомъ Силимбрія; наконецъ послѣднему Ѳомѣ были даны отдѣльные города въ Пелопоннесѣ. Всѣ эти господарства жили отдѣльною жизнью и въ то время, когда собственно Византія, управляемая Іоанномъ VI, была раздираема религіозными и политическими смутами по поводу флорентійской уніи, въ нихъ происходили не болѣе утѣшительныя сцены. Андроникъ продалъ свою область и городъ Ѳессалоники венеціянскому сенату за 50 тысячъ золотыхъ монетъ и вмѣстѣ съ братомъ Ѳеодоромъ удалился въ монастырь. «Такъ было велико распаденіе Византійской Имперіи, говоритъ Стасюлевичъ, что подобное отчужденіе частей несчиталось беззаконнымъ и предосудительнымъ.» Область Ѳеодора была отдана Константину, который вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался и наслѣдникомъ Императорскаго титула. Константинъ немедленно оставилъ свою прежнюю область Масамбрію и отправился въ Пелопоннесъ. Положеніе Константина въ Пелопоннесѣ было весьма затруднительно. Ѳеодоръ, прежній господарь Пелопоннеса, раскаялся въ своемъ отреченіи, а Ѳома былъ недоволенъ своимъ удѣломъ. Такимъ образомъ, въ теченіе всего правленія Іоанна VI, посвятившаго все свое вниманіе флорентійскому собору и его уніи, Пелопоннесъ былъ раздираемъ внутренними междуусобіями его братьевъ. Они не рѣдко призывали на помощь то турокъ то латинцевъ и давали имъ поводъ все болѣе и болѣе утверждаться въ ихъ владѣніяхъ.

Въ Ноябрѣ 1449 года, скончался Іоаннъ VI. Въ Византіи явились два претендента на престолъ: Дмитрій и Констан-

---

ной залѣ, гдѣ находилось ложе Императрицы; слѣдовательно это были принцы, родившіеся по вступленіи ихъ отца на престолъ. (Стасюлевичъ).

тинъ. Одна партія отстаивала права Дмитрія, престарѣлая же Императрица Ирина и большая часть гражданъ была на сторонѣ Константина, старшаго въ родѣ Палеологовъ. Эта послѣдняя партія, во главѣ которой стояли: Кантакузенъ, Лука Нотара и Георгій Франтца (другъ Константина) боясь, что въ случаѣ избранія Дмитрія, Константинъ обратится за помощью къ латинянамъ, рѣшилась прибѣгнуть къ посредничеству Турецкаго султана Мурада II (женатаго на дочери сербскаго короля), справедливость и умъ котораго были имъ хорошо извѣстны. Хотя Мурадъ не задолго передъ тѣмъ и имѣлъ столкновеніе съ Константиномъ и даже открыто воевалъ съ нимъ, но все таки призналъ доводы грековъ справедливыми и рѣшилъ въ пользу Константина. Франтца, осыпанный наградами, вернулся въ столицу съ радостной вѣстью для своей партіи. Тотчасъ была послана депутація въ Пелопоннесъ и 6 января 1450 года Константинъ короновался въ Спартѣ, а 12 Марта, онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Византію. Дмитрій, по прибытіи старшаго брата, отказался отъ своихъ притязаній и вмѣстѣ съ Ѳомою далъ клятву, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ нарушать миръ. Константинъ въ первое время своего правленія не носилъ титула Императора, но довольствовался простымъ званіемъ господаря Византіи и принялъ Императорскій титулъ въ послѣдній годъ своего правленія.

Владѣнія Константина, т. е. Византійское господарство заключало въ себѣ небольшой полуостровъ между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Этотъ то небольшой клочекъ земли въ послѣднее время и носилъ громкое названіе Византійской Имперіи. При осадѣ же Византіи турками, стѣны города были буквально границами Имперіи. На за-

надъ къ Византіи премыкали владѣнія Турецкаго султана, которому принадлежала и Малая Азія. Столицею османовъ былъ Адріанополь, лежащій въ 200 верстахъ отъ Византіи. Турки утвердились тамъ еще въ XIV стол. и отрѣзали отъ Византіи ея бывшихъ вассаловъ: Булгарію, господарства Молдавіи и Валахіи и королевство Сербское; всѣ они уже платили дань туркамъ и признавали ихъ власть надъ собой, хотя иногда и осмѣливались дѣлать попытки къ освобожденію. Съ юга владѣнія тѣхъ же турокъ отдѣляла Византію отъ остальной Греціи, въ которой въ перемѣшку находились владѣнія то латинянъ, то венеціянъ; только средина Пелопоннеса имѣла нѣкоторую связь съ Византіею. На западъ уже начиналась католическая Европа. И такъ осколокъ бывшей когда то могущественной Византійской Имперіи занималъ полуостровъ въ 100 верстъ длины и не болѣе 50 верстъ въ ширину. Но что всего замѣчательнѣе, говоритъ Стасюлевичъ, это то, что въ самой Византіи была не одна Византія. Константинополь лежитъ въ углу, образуемомъ Босфоромъ и Мраморнымъ моремъ; изъ пролива Босфора, внутрь самаго города, вдается широкимъ рукавомъ заливъ въ видѣ рога, загнутаго къ с. востоку; греки и называли его потому Кератомъ, т. е. Рогомъ; и нынѣ онъ сохраняетъ тоже названіе съ прибавленіемъ золотаго. На западной сторонѣ этого рога, между нимъ и Мраморнымъ моремъ, лежала собственно Византія, принадлежавшая Императору, на востокъ же между рогомъ и проливомъ находился другой городъ—Галата, уступленный генуезцамъ и имѣвшій свое особое правленіе. Кромѣ того, въ самой греческой Византіи былъ прежде, при Баязетѣ, дѣдѣ Мурата II, кварталъ, принадлежащій туркамъ.

Еще задолго до вступленія Константина на престолъ латиняне пользовались въ Византіи большимъ вліяніемъ. Предки его часто прибѣгали къ нимъ за помощію противъ турокъ и братъ его Іоаннъ VI самъ ѣздилъ въ Римъ, чтобъ окончательно рѣшить дѣло соединенія церквей. Константинъ, видя по какому ложному пути шли его предки и въ какую бездну ввергали они Византію, соглашаясь ввести унію, твердо рѣшился не слѣдовать ихъ политики. Онъ частью по своей инціативѣ, частью по совѣту друга своего Франтца, рѣшился разорвать всѣ связи съ латинянами и постараться отдѣлаться отъ ихъ вліянія. Для этого онъ прервалъ начавшееся сватовство свое на дочери венеціянскаго дожа Франческо Фоскари и задумалъ вступить въ бракъ или съ дочерью Иберійскаго князя Георгія Мепена, или съ дочерью Іоанна Комнена императора Трапезунда. Съ этою цѣлью онъ отправилъ къ нимъ Франтца съ большою свитою. Цѣлыхъ два года Франтца былъ въ отлучкѣ и за эти два года много произошло перемѣнъ въ самой Византіи. Умерла мать Константина—Ирина, старшій Кантакузенъ и Константинъ, лишенный опоры в ихъ двухъ ему и его дѣлу преданныхъ людей, остался одинъ съ лицами далеко не сочувствовавшими его политики, планамъ и убѣжденіямъ. Мало по малу эти лица взошли если не въ довѣріе къ Константину, то на столько съумѣли его опутать и сбить съ его пути, что подъ ихъ вліяніемъ рѣшимость его, не поддаваться латинянамъ, исчезла и они въ концѣ концовъ добились того, что Константинъ согласился обратиться къ Папѣ Николаю V за помощью противъ увеличивающагося могущества турокъ, согласился даже на то, чтобы былъ присланъ кто нибудь изъ Рима, чтобъ на дѣлѣ

осуществить соединеніе церквей. Въ какомъ жалкомъ, можно сказать, состояніи находился въ это время Константинъ, мы можемъ видѣть изъ его же словъ, съ которыми онъ обратился по пріѣздѣ Франтца послѣ двухъ-лѣтняго путешествія. «У меня не было безъ тебя, говоритъ Императоръ Франтцѣ, ни одного человѣка, съ кѣмъ бы я могъ посовѣтоваться. Каждый преслѣдуетъ свои интересы. Мать моя государыня (Ирина) умерла въ твое отсутствіе, Кантакузенъ (старшій), который иногда судилъ безпристрастно, послѣдовалъ за нею; а Лука Нотара громко проповѣдуетъ, что лучше его никто не знаетъ какъ должно поступать, и, что по истинѣ, хорошо и полезно только то, что онъ говоритъ или дѣлаетъ; по пословицѣ Нотара каждый камень подвинетъ; о, все это, Франтца, ты самъ хорошо знаешь. Министръ двора золъ на сербскаго короля. Съ кѣмъ же я могъ совѣтоваться? Съ монахами или людьми имъ подобными? Но они сами не понимаютъ въ государственныхъ дѣлахъ! Съ вельможами? Но каждый изъ нихъ принадлежитъ къ какой нибудь партіи и выдастъ другимъ мою тайну. Вотъ почему, Франтца, я ожидалъ тебя съ такимъ петерпѣніемъ».—Эти нѣсколько словъ прекрасно обрисовываютъ состояніе Константина и то безвыходное положеніе, въ которомъ онъ находился. Онъ ясно сознавалъ всю гибель предпринимаемаго имъ, но онъ не въ состояніи былъ устоять на принятомъ имъ рѣшеніи и потому вернулся къ политикѣ своихъ предковъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1452 г. въ константинопольскую гавань вошелъ большой генуезскій корабль, на которомъ пріѣхалъ польскій легатъ, кардиналъ Польши и свергнутый митрополитъ московскій Исидоръ, подписавшій нѣкогда Фло-

рентійскую унію. Его сопровождала большая свита изъ пятидесяти итальянцевъ. Исидоръ пріѣхалъ вслѣдствіе просьбы Константина, обѣщавшаго возстановить флорентійскую унію. Кардиналъ былъ ласково принятъ Императоромъ, но большая часть народонаселенія, въ особенности монахи и духовенство до такой степени взволновались, что не хотѣли и слушать о подчиненіи папѣ.

Между тѣмъ партія, призвавшая посольство изъ Рима, друзья латинства, подписали соединеніе и собрались 12-го декабря въ Софійскомъ соборѣ отслужить торжественно литургію и упомянуть на ней имя папы Николая V и патріарха Григорія. Народъ во множествѣ собрался въ соборъ, чтобы присутствовать на богослуженіи, но только что услышалъ имя папы, разбѣжался и возбуждаемый духовенствомъ, сталъ волноваться и предавать проклятію папу и всѣхъ, призвавшихъ посольство изъ Рима. Когда латинцы стали увѣщевать и увѣрять грековъ, что безъ помощи папы они будутъ покорены турками, греки отвѣчали: «лучше достанемся туркамъ, чѣмъ франкамъ». Самъ великій канцлеръ Лука Нотара говорилъ во всеуслышаніе: «я желаю лучше видѣть среди города турецкую чалму, чѣмъ папскую тіару».

Не большая часть гражданъ была за латинцевъ, остальной весь народъ рѣшился на все, лишь бы только избавиться отъ латинянъ и католицизма. Стасюлевичъ говоритъ, «что въ дѣлѣ паденія Византійской Имперіи участвовали далеко не одни турки, что ненависть народа относилась не къ однимъ туркамъ, а большая доля была направлена на западъ, на такъ называемыхъ, латинцевъ или франковъ».

И дѣйствительно, греки были убѣждены, что дай развиться вліянію латинцевъ, то они потеряютъ не только свою

самостоятельность, но и религію, тогда какъ турки XV столѣтія были въ этомъ отношеніи лучше уже тѣмъ, что оставили неприкосновеннымъ религію.

II.

2-го февраля 1451 г. скончался Мурадъ II-й и Магометъ вступилъ на отцовскій престолъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени энергичный, пылкій и воинственный. Онъ получилъ прекрасное образованіе, имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ, особенно въ астрономіи. Съ необыкновенной любовью занимался онъ военными науками и, сдѣлавшись султаномъ, обратилъ особенное вниманіе на войско и много улучшилъ его. Магометъ говорилъ на многихъ языкахъ, — греческомъ, латинскомъ, арабскомъ, халдѣйскомъ и персидскомъ.

Утвердившись на престолѣ, онъ возобновилъ дружескія отношенія съ сосѣдями и между прочимъ съ Византійцами. Когда послы ихъ прибыли въ Адріанополь съ поздравленіемъ, онъ ихъ любезно принялъ и пожелалъ возобновить прежніе трактаты.

Магометъ поклялся: 1) соблюдать вѣчный миръ съ Византіею и 2) платить Византіи 300 тысячъ аспровъ, т. е. 13,300 руб. сер. изъ годовыхъ доходовъ странъ, лежащихъ по Стриману (Македоніи). Эта сумма назначалась на содержаніе какого то турецкаго принца изъ рода Османовъ, скрывавшагося въ Константинополѣ. Изъ всего этого мы видимъ, что офиціальныя отношенія съ Византіею были

самыя дружественныя, но между прочимъ разрывъ былъ недалекъ, и вотъ какъ онъ произошелъ.

Латинская партія въ Византіи все болѣе и болѣе начала оказывать вліяніе на политику Константина и на его отношенія къ Оттоманской Имперіи. Слѣдствіемъ этого вліянія было коронованіе Константина императорскою короною и посольство его къ Магомету. Посольство это явившись къ султану, требовало увеличенія дани, т. е. той суммы, которая отпускалась на содержаніе принца Урхана, котораго они въ случаѣ отказа грозили выпустить. Послы заявляли, что Урханъ совершеннолѣтенъ, происходитъ какъ и Магометъ отъ османовъ, и что у него очень много приверженцевъ, которые со всѣхъ сторонъ стекаются и называютъ его своимъ господиномъ. Подобныя угрозы со стороны византійцевъ, конечно, могли только усложнить отношенія его съ разными малоазіятскими племенами и когда Магометъ узналъ обо всемъ, пришелъ въ неописанную ярость.

Живо представились ему всѣ послѣдствія освобожденія Урхана, но, затаивъ злобу, онъ отпустилъ пословъ обратно, объявивъ имъ, что по возвращеніи въ Адріанополь онъ займется обсужденіемъ этого дѣла.

Наскоро покончивъ всѣ дѣла, задерживавшія его въ Малой Азіи, Магометъ вернулся въ Адріанополь. Онъ очень хорошо понималъ, что было причиной этихъ требованій византійцевъ. Онъ угадалъ, что Византія и Константинъ были не причемъ, а главное орудіе латинцы, которые хотѣли завладѣть Византіею и тогда, не желая уступить ее своимъ исконнымъ врагамъ, рѣшился завладѣть ею самъ.

Выше было сказано, что Византія съ запада была окружена турецкими владѣніями и потому Магометъ, обезпе-

ченный съ этой стороны, обратилъ все свое вниманіе на проливъ, чрезъ который византійцы могли сообщаться съ западомъ. Еще дѣдомъ его Магометомъ I, была выстроена на азіатскомъ берегу Босфора крѣпость. Магометъ II приказалъ противъ нея, на европейскомъ берегу, выстроить такую же. Не обращая вниманія на протестъ Константина, который заявилъ, что мѣсто выбранное имъ для крѣпости, составляетъ часть Галаты и принадлежитъ франкамъ, Магометъ собралъ разныхъ мастеровъ и приступилъ съ поспѣшностью къ постройкѣ. Чрезъ четыре мѣсяца крѣпость была готова и тогда султанъ велѣлъ собирать дань со всѣхъ судовъ, проходившихъ по проливу, въ нежелающихъ исполнить это приказаніе велѣно было стрѣлять.

Когда Константинъ и латинская партія узнали, что проходъ загражденъ, они поняли, что дѣло ихъ проиграно. Въ отчаяніи Константинъ написалъ Магомету слѣдующее письмо: «Такъ какъ ты желаешь болѣе войны, нежели мира и я не могу тебя успокоить ни клятвами, ни повиновеніемъ, то пусть будетъ по твоему. Теперь я прибѣгаю къ Богу. Если и Онъ опредѣлилъ и предназначилъ передать мой городъ тебѣ, то кто тогда можетъ противорѣчить или противостоять. Если же Онъ внушитъ тебѣ миролюбивыя намѣренія, то я буду тому радъ. Я освобождаю тебя отъ всѣхъ договоровъ и клятвъ, и, запершись въ стѣнахъ города, буду защищать своихъ подданныхъ до послѣдней капли крови. Царствуй счастливо, пока Праведный Судья не призоветъ насъ обоихъ на судъ!»

Въ отвѣтъ на это письмо Магометъ формально объявилъ войну и оставивъ гарнизонъ въ новой крѣпости Багазъ-Кессенъ, уѣхалъ въ Адріанополь.

Для того, чтобы выяснить, до какой степени Магометъ былъ занятъ пріобрѣтеніемъ Константинополя, позволяемъ себѣ привести сцену разговора Султана съ Галилемъ, переведенную Стасюлевичемъ изъ Византійскаго историка Дука и помѣщенную въ его сочиненіи: «Осада и взятіе Византіи турками».

«Во вторую стражу ночи, въ самую полночь, Магометъ II приказалъ своимъ тѣлохранителямъ позвать къ себѣ одного изъ первыхъ своихъ министровъ Галиль-пашу. Посланные нашли его дома и сообщили евнухамъ волю Султана. Одинъ изъ нихъ немедленно отправился въ опочивальню своего господина и извѣстилъ о случившемся.

Испуганный Галиль-паша, полагая что дѣло идетъ о его жизни, обнялъ жену, дѣтей и, взявъ съ собою золотой кубокъ, наполненный деньгами, поспѣшилъ во дворецъ. Какъ мы увидимъ, страхъ его имѣлъ нѣкоторыя основанія. Когда Галиль вошелъ въ спальню Султана, Магометъ II сидѣлъ на постели и совершенно одѣтый; павъ по обычаю ницъ передъ нимъ, онъ поставилъ къ ногамъ его кубокъ.

— Что это значитъ, Лола? такъ ласково обратился Султанъ къ Галилю, желая, вѣроятно, показать ему на этотъ разъ свое расположеніе.

— Государь! отвѣчалъ министръ, таковъ обычай у насъ: когда властитель зоветъ своего подданнаго въ необыкновенное время, нельзя являться предъ его свѣтлыя очи съ пустыми руками, а такъ какъ у меня нѣтъ ничего своего, то твое же я тебѣ и предлагаю.

— Мнѣ ничего и не нужно отъ тебя, сказалъ Магометъ, я дамъ тебѣ больше, чѣмъ ты имѣешь, но прошу у тебя одного: отдай мнѣ Константинополь.

Галиль паша затрепеталъ при этихъ словахъ Султана; онъ всегда покровительствовалъ грекамъ и греки, не щадя для него подарковъ, считали его своею правою рукою. Турки даже прозвали Галиля «кавуръ-ортагомъ», т. е. другомъ невѣрныхъ. Однако Галиль скрылъ свое замѣшательство и смѣло отвѣтилъ Султану:

— Государь! Аллахъ предалъ твоей власти большую часть имперіи; онъ же предастъ тебѣ и городъ. Мнѣ кажется, что при твоихъ силахъ Константинополь не уйдетъ изъ твоихъ рукъ; я же и всѣ твои рабы пожертвуемъ и кровью и имуществомъ для твоей пользы; будь въ томъ увѣренъ.

Магометъ видимо смягчился при словахъ своего министра и продолжалъ съ нимъ разговоръ еще болѣе ласковымъ тономъ:

— Посмотри сказалъ онъ, на мое изголовье! я провертѣлся всю ночь съ одного бока на другой, и лежа безъ сна, не могъ сомкнуть глазъ ни на одно мгновенье. Умоляю тебя, оставайся неподкупнымъ и не отказывайся отъ своихъ словъ. Будемъ сражаться съ греками храбро; волею Аллаха и мольбами его пророка мы овладѣемъ городомъ».

Завладѣть Константинополемъ сдѣлалось главною мечтою Магомета; онъ не спалъ ночей, и, часто переодѣвшись простымъ солдатомъ, ходилъ вечеромъ погороду и прислушивался къ народному говору о предметѣ столь интересовавшимъ его. Часто Магометъ призывалъ знающихъ людей и съ ними бесѣдовалъ о мѣрахъ, которыя нужно принять для завладѣнія Константинополемъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1453 г. Магометъ двинулъ свою артиллерію, и только къ концу марта она расположилась

около стѣнъ Константинополя. Эта медленность при такомъ небольшомъ разстояніи, отдѣлявшимъ Константинополь отъ Адріанополя происходила отъ того, что орудія были слишкомъ массивны. Нѣкоторыя пушки были такъ велики, что ихъ везли 40 и 50 воловъ. Одно осадное орудіе, отлитое венгерцемъ или венеціянцемъ Урбаномъ вѣсило 1,900 пудъ и имѣло 4 сажени длины; камень, которымъ заряжали его вѣсилъ 36 пудъ.

Когда совсѣхъ европейскихъ и азіятскихъ провинцій собрались войска, Магометъ двинулъ ихъ на Константинополь и 2-го апрѣля 1453 года, въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, онъ, во главѣ 258,000 арміи распустилъ свое знамя передъ Хорисскими воротами Византіи.

Между тѣмъ Константинъ, получивъ въ отвѣтъ на свое письмо объявленіе о войнѣ, сталъ готовиться къ защитѣ. Видя ничтожное количество своего войска, онъ обратился за помощью къ западной Европѣ. Хотя Константинъ и много сдѣлалъ для католичества введеніемъ 12 декабря уніи, но оказалось, что латиняне и на этотъ разъ обманули его. Галатскіе генуезцы объявили себя нейтральными, но вмѣстѣ съ тѣмъ во время осады помогали тайно туркамъ. Сербы и венгры точно также отказались подать помощь. Венеція, по личнымъ своимъ неудовольствіямъ за отказъ Константина вступить въ бракъ съ дочерью венеціянскаго дожа Франческо Фоскари, на отрѣзъ отказалась какъ бы то ни было помогать императору, такъ что Константинъ остался при незначительномъ своемъ войскѣ (всего 4978 человѣкъ) и кромѣ того принанялъ нѣсколько тысячъ волонтеровъ.

Наконецъ пріѣхалъ на 2 корабляхъ генуезецъ Іоаннъ

Длинный, по фамиліи Юстиніанъ и привезъ съ собою много машинъ, разныхъ снарядовъ и нѣсколько сотенъ опытныхъ воиновъ. Такой знатокъ въ военномъ искусствѣ какъ Юстиніанъ, чрезвычайно былъ полезенъ, а потому Константинъ съ радостію принялъ его и назначилъ демархомъ (губернаторомъ) отдѣльной части города. Кромѣ того, далъ ему грамоту на владѣніе островомъ Лемносомъ. Юстиніанъ энергично принялся укрѣплять Константинополь, но войска, даже съ наемниками, было такое незначительное количество всего около 7,000 человѣкъ, что ему не хватало даже на защиту всѣхъ стѣнъ, окружавшихъ городъ. Греческій флотъ, состоявшій изъ 15 кораблей, находился въ Золотомъ Рогѣ, входъ въ который былъ загражденъ желѣзными цѣпями.

3 апрѣля Магометъ приказалъ начать бомбардировать Константинополь. Двѣ недѣли палили изъ пушекъ, но не могли принести значительнаго вреда грекамъ, которые съ необыкновенной быстротой задѣлывали всѣ поврежденія. Чѣмъ больше проходило безплодно времени, тѣмъ Магометъ становился все нетерпѣливѣе; но наконецъ турки напрягли всѣ свои усилія и имъ удалось мѣткими выстрѣлами разрушить романовскую башню.

Проломъ былъ такъ великъ что турки бросились къ нему, но встрѣтили неожиданное препятствіе. Широкій ровъ, наполненный водою, окружалъ стѣну. Султанъ приказалъ всѣмъ, что попадется подъ руку, засыпать его.

Цѣлый день турки трудились, работая подъ самыми выстрѣлами, отъ коихъ много погибло ихъ, однако къ вечеру все было готово и на слѣдующій день назначенъ былъ приступъ, но къ немалому удивленію турокъ, за ночь вся ихъ работа была уничтожена греками и представлялась та же

самая преграда. Тогда Магометъ приказалъ подводить подземныя мины, но и это средство не привело ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ турки построили огромную камнеметательную башню, подкатили ее къ самымъ стѣнамъ и начали наносить осажденнымъ большой вредъ, которымъ, впрочемъ, тотчасъ они не могли воспользоваться послучаю наступившей темноты. Юстиніанъ ночью сдѣлалъ вылазку, поджегъ башню, очистилъ ровъ и задѣлалъ проломъ.

При всѣхъ этихъ неудачахъ Магометъ не потерялъ энергіи и силы изобрѣтательности. Зная, что со стороны Золотого Рога Константинополь слабо защищенъ, онъ приказалъ перетащить часть турецкаго флота изъ Босфора въ Золотой Рогъ чрезъ перешеекъ, длиною въ 8 верстъ. Дорога была выровнена, настланы деревянныя рельсы, смазанныя масломъ и такимъ образомъ 80 судовъ предстали предъ изумленными взорами грековъ и съ той стороны, отъ куда они менѣе всего ихъ ожидали.

Ужасъ охватилъ какъ жителей, такъ и войско, когда они по утру увидѣли подъ своими стѣнами турецкія суда, на которыхъ приготовлялись тараны и камнеметательныя машины. Не смотря на это, греки, возбуждаемые религіознымъ чувствомъ, сражались съ большимъ мужествомъ. Императоръ являлся всюду, гдѣ грозила опасность, но неимѣя достачно войска, чтобъ отбивать на всѣхъ пунктахъ непріятеля, онъ могъ только не на долго отсрочить катастрофу. Въ особенности безпокоилъ грековъ турецкій флотъ, такъ неожиданно явившійся въ гавани и они начали придумывать средства его уничтожить. Одинъ венеціянецъ, по имени Кокъ, обѣщался императору сжечь турецкіе корабли если ему будетъ дано три лодки и сорокъ человѣкъ храбрыхъ,

рѣшительныхъ матросовъ. Это предпріятіе можетъ быть спасло бы Константинополь, еслибы не измѣнилъ одинъ генуезецъ и не предупредилъ бы турокъ, которые, какъ только увидѣли приближающіяся къ нимъ лодки, атаковали ихъ и уничтожили. Самъ Кокъ бросился въ море, но былъ вытащенъ турками и на другой день въ виду осажденныхъ повѣшенъ. Греки въ отмѣстку повѣсили на валу двѣсти турецкихъ плѣнныхъ.

Хотя геройство и отвага этой небольшой горсти осажденныхъ, защищавшихся противъ турецкихъ полчищъ были выше всякой похвалы и описанія, но грекамъ немало способствовало и то, что въ турецкомъ лагерѣ было много ихъ сторонниковъ и доброжелателей, во главѣ конхъ стоялъ Галиль-паша, который давалъ тайно знать Императору о всѣхъ планахъ Магомета. Однако Константинъ ясно сознавалъ, что держаться долго ему нельзя и потому рѣшился послать къ Магомету посольство, чрезъ которое предлогалъ уплатить ему выкупъ какой тотъ пожелаетъ, съ тѣмъ, чтобъ былъ заключенъ миръ. Желая узнать мнѣніе своихъ приближенныхъ, Магометъ собралъ военный совѣтъ.

На этомъ совѣтѣ Галиль-паша представилъ положеніе турокъ въ самомъ грустномъ положеніи, совѣтовалъ заключить миръ и снять осаду; онъ говорилъ настолько убѣдительно, что Султанъ сталъ было соглашаться съ нимъ, но другой визирь, Саганъ-паша, злѣйшій врагъ Галиля, опровергъ всѣ его доводы и своею рѣчью такъ воодушевилъ и увлекъ всѣхъ, что Султанъ рѣшился отказать Константину и назначилъ штурмъ города на 29 мая.

Вечеромъ 28 мая Магометъ объѣзжалъ свои войска и милостивыми словами воодушевлялъ ихъ. Онъ обѣщалъ

*

солдатамъ отдать Константинополь на разграбленіе: «послѣ взятія города, говорилъ онъ имъ, я предаю вамъ его на три дня; всякаго рода добыча: золото, серебро, одежды, женщины—все это ваше». Себѣ же Султанъ оставлялъ территорію, зданія и памятники искусства.

Только что занялась заря, турки густыми массами бросились на укрѣпленія. Но Греки стояли твердо и геройски отбивались на всѣхъ пунктахъ. Долго продолжалась битва, груды тѣлъ наполняли ровъ. Турецкія войска, нѣсколько разъ отброшенныя отъ стѣнъ, стали уже колебаться, тогда Магометъ двинулъ своихъ янычаръ. Атака этой лихой милиціи была поддержана градомъ стрѣлъ и пуль, которыя произвели ужасное опустошеніе въ рядахъ Грековъ.

Юстиніанъ, раненный въ ногу долженъ былъ покинуть свой постъ. Императоръ, командовавшій надругомъ концѣ города, узнавъ, что отсутствіе Юстиніана произвело въ войскахъ панику и что турки, не встрѣчая болѣе упорнаго сопротивленія, овладѣли стѣнами, понялъ, что все было потеряно и онъ въ отчаяніи воскликнулъ: «неужели не найдется ни одного христіанина, который изъ жалости бы, лишилъ меня жизни». И чтобъ не попасть живымъ въ плѣнъ побѣдителямъ, онъ бросился въ средину янычаръ, которые не узнавъ его, убили.

Между тѣмъ какъ все это происходило на укрѣпленіяхъ, народъ въ церквахъ ждалъ своей участи и молился Богу.

Турки, ворвавшись въ городъ, начали дѣло опустошенія и предавали смерти всѣхъ, кто осмѣливался оказывать сопротивленіе. Янычары бросились грабить церкви, жилища. Многіе жители, чтобы спастись спрятались въ храмѣ Св. Софіи, но турки вбѣжали за ними и всѣхъ перевязали.

Къ полудню весь Константинополь былъ уже въ рукахъ турокъ, которые разсѣявшись по городу, грабили все, что могли и совершали всевозможныя богохульства и звѣрства надъ жителями.

Магометъ, окруженный великолѣпною свитой въѣхалъ въ городъ посреди восторженно привѣтствующаго его войска. Когда подъѣхали къ собору Св. Софіи, который какъ и другіе церкви, былъ совершенно ограбленъ, Магометъ слѣзъ съ коня и войдя въ храмъ, чтобъ полюбоваться, засталъ одного турка, который выламывалъ куски мраморнаго пола. Когда турокъ на вопросъ Султана зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, отвѣчалъ, что по ревности къ вѣрѣ, то Магометъ пришелъ въ такую ярость, что выхватилъ свой мечъ и такъ ударилъ имъ фанатика, что тотъ упалъ полумертвымъ. «Вы должны быть довольны и тѣмъ, что я далъ вамъ, гнѣвно закричалъ Султанъ; городъ и памятники принадлежатъ мнѣ».

Голова несчастнаго Константина, съ трудомъ найденная, была принесена Султану, который велѣлъ похоронить ее съ должными почестями.

На другой день были казнены нѣсколько грековъ, венеціянъ, франковъ и каталонцевъ. Ихъ участи послѣдовалъ и Галиль-паша за дружбу къ грекамъ и за тайныя съ ними сношенія.

На третій день, султанъ велѣлъ прекратить грабежъ и убійства и издалъ указъ, по которому всѣмъ укрывавшимся предоставлялось право вернуться въ свои дома, и пользоваться полною свободою и неприкосновенностью *сохраняя при томъ свою религію и обычаи.* Магометъ приказалъ избрать патріарха «по постановленіямъ церкви». Выбрали Георгія Схоларія наименовавъ Геннадіемъ — рев-

постнаго защитника православія и злѣйшаго врага католицизма.

Магометъ пригласилъ его къ своему столу, много говорилъ съ нимъ о христіанской религіи и одаривъ отпустилъ съ честью. Султанъ простеръ свое вниманіе до того, что самъ проводилъ его до выхода изъ дворца и велѣлъ своимъ приближеннымъ проводить его до храма апостоловъ, который подарилъ патріаршему престолу. Чрезъ нѣсколько времени патріарху дана была грамота, которой повелѣвалось, не притѣснять его, ни оскорблять, но предоставлялось жить свободно, не опасаясь ни какой непріязни и притомъ съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей и налоговъ. Эти права распространялись какъ на избраннаго патріарха, такъ и на всѣхъ его преемниковъ во вѣки вѣковъ, а также и на всѣхъ подчиненныхъ ему епископовъ.

III.

Но съ паденіемъ Константинополя тѣсно было связано паденіе и прочихъ частей Греціи, тѣмъ болѣе, что этотъ несчастный примѣръ не могъ достаточно вразумить представителей оставшихся греческихъ владѣній. Разсматривая паденіе Константинополя, мы не видимъ въ числѣ его защитниковъ родныхъ братьевъ императора Константина—деспотовъ морейскихъ. Для нихъ паденіе Константинополя было какъ будто дѣло посторонее; въ эти критическія минуты для всей Греціи они скрывались въ Пелопоннесѣ, занимались ссорами, которыя не оставляли и послѣ паденія Константинополя. Магометъ съумѣлъ хорошо восполь-

зоваться запутанными дѣлами Мореи. Тотчасъ по взятіи Константинополя, онъ началъ стараться увеличивать смятеніе Мореи,—болѣе разъединялъ деспотовъ и когда увидѣлъ, что Морея дошла почти до безсилія, двинулъ на нее свои войска и съ ужасною жестокостью опустошилъ города полуострова.

Какъ много терпѣли осаждаемые въ это время можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Одинъ городъ доведенъ былъ продолжительностью осады до того, что за неимѣніемъ воды, жители должны были смѣшивать хлѣбъ съ лошадиною кровью. Конечно, такая пища должна была скоро опротивить несчастнымъ героямъ и заставить ихъ сдаться. Не смотря на всю стѣсненность своего положенія, Морея могла бы возстановить свои силы, еслибы деспоты бросили свои раздоры. Къ несчастію они не слушали голоса разсудка, чувства братства и любви къ отечеству было въ нихъ заглушено, несогласія ихъ продолжали все усиливаться. Другъ передъ другомъ они посылали жалобы султану, просили у него одинъ противъ другаго помощи; наконецъ Дмитрій, отдавши дочь свою въ сераль Магомета, окончательно соединился и съ войскомъ его. Онъ помогалъ султану брать греческія города и преслѣдовать брата своего — деспота Ѳому. Магометъ, увѣренный теперь въ завоеваніи Пелопоннеса, звѣрски поступалъ съ тѣми, которые рѣшались противиться ему. Такъ городъ Кострицы, оказавшій ему небольшое сопротивленіе, когда сдался на выгодныхъ условіяхъ, то Магометъ, отвергнувши условія приказалъ многимъ жителямъ отрубить головы, гарнизонъ посадить на колья и содрать кожу съ живаго губернатора. Не менѣе печальную участь постигла

Гордику, сдавшуюся добровольно въ надеждѣ на обѣщанную имъ султаномъ благосклонность. Только что турецкія войска вступили въ городъ, шесть тысячъ мущинъ, женщинъ и дѣтей были собраны въ одно мѣсто и хладнокровно умерщвлены янычарами, перерѣзаны были всѣ стада, чтобы отнять и это средство къ существованію несчастныхъ грековъ,

Деспотъ Ѳома, тревожимый султаномъ и братомъ своимъ бѣгалъ изъ города въ городъ; наконецъ увидѣвши невозможность миновать рукъ Магомета,—котораго онъ ненавидѣлъ, рѣшился бѣжать къ папѣ. Оставивъ въ Корфу жену и дѣтей, онъ 16 ноября 1460 года отправился въ Анкону, а отъ туда въ Римъ, захвативши съ собою главу Апостола Андрея, увезенную тайно изъ Патры и еще нѣкоторыя другія сокровища. Папа Пій II, уважая въ немъ отрасль греческихъ императоровъ и въ благодарность за святыню принялъ его весьма благосклонно; за главу Апостола Андрея назначилъ Ѳомѣ ежемѣсячное жалованье по 300 золотыхъ ефимковъ. Изгнавши изъ Пелопеннеса главнаго своего противника, султанъ въ короткое время сдѣлался полнымъ владыкою полуострова. Деспотъ Ѳома, лишенный возможности возвратить отнятыя у него владѣнія, долженъ былъ совсѣмъ остаться въ Римѣ, угождать папѣ и за то пользоваться его покровительствомъ. Въ 1465 году онъ приказалъ перевести въ Римъ и дѣтей своихъ; но молодые изгнанники успѣли доѣхать только до Анконы, какъ услышали о смерти родителя, скончавшагося 12 мая на 56 году жизни. Теперь покровительство папы для осиротѣвшаго семейства Палеологовъ было болѣе необходимо чѣмъ прежде и папа не оставилъ ихъ. Сколько видно изъ

его дѣйствій относительно семейства Палеологовъ, покровительство это оказано было не столько изъ желанія сдѣлать имъ истинное добро, сколько изъ другихъ видовъ. Полная свобода въ распоряженіи судьбою царевичей, немину-емое ихъ униженіе и безпрекословное повиновеніе волѣ папы, а главнымъ образомъ политическія расчеты, скорѣе могли по-будить святѣйшаго отца принять ихъ подъ свое покровитель-ство, чѣмъ просьбы покойнаго Ѳомы и несчастное ихъ по-ложеніе. Доказательствомъ этого можетъ служить письмо кардинала Виссаріона *), писанное вслѣдствіе распоряженія папы, вскорѣ послѣ смерти Ѳомы, въ Анкону, къ педагогу Палеологовъ. Въ немъ ясно высказано какъ смотрѣлъ на Палеологовъ папа съ своими клевретами и чего отъ нихъ хотѣлъ. Все письмо проникнуто честолюбивыми требованіями, наставленіями, угрозами и оскорбленіями и нѣтъ ни од-ного ласковаго утѣшительнаго слова.

Сказавши прежде, что святѣйшій папа, побуждаемый авторитетомъ своихъ друзей и собственнымъ расположе-ніемъ, назначаетъ на содержаніе Палеологовъ тоже жало-ванье, которымъ пользовался ихъ отецъ, и объяснивъ на что нужно его издерживать, Виссаріонъ говоритъ: «Папа узналъ и сильно гнѣвается на то, что Палеологи являлись въ Анкону съ большою свитою. Если, продолжаетъ онъ, удивлялись и вмѣстѣ съ тѣмъ порицали блаженной памяти принца, такого мужа за то, что привезъ съ собою въ Римъ много вельможъ, чтобы содержать ихъ на чужой счетъ, не

*) Природный Грекъ, былъ прежде митрополитомъ Никейскимъ и на Флорентійскомъ соборѣ принявшій Унію.

должно ли гнѣваться особенно теперь, когда принцы еще дѣти и сироты, не знаменитые ни достоинствамъ, ни титулами, ни славою, привезли съ собою много другихъ лицъ». Эти слова ясно показываютъ, что въ Римѣ нисколько не уважали и не опасались оскорблять Царственную отрасль Византійскаго дома; потому что Виссаріонъ не ограничился однимъ замѣчаніемъ, онъ укорялъ принцевъ сиротствомъ; далъ имъ замѣтить, что они еще дѣти, незаслуженныя, мало значущія и что должны опасаться гнѣва папы. Но дальнѣйшее содержаніе письма заключаетъ въ себѣ еще болѣе непріятнаго, оскорбительнаго, унизительнаго для Палеологовъ. Такъ, коснувшись воспитанія ихъ, Виссаріонъ говоритъ педагогу: «если хотите, чтобы принцы пользовались въ Италіи почетомъ, то вамъ съ врачемъ Кристовуломъ необходимо прежде всего позаботиться объ ихъ воспитаніи и нравѣ, дабы они были образованными гражданами, въ противномъ случаѣ ни вы, ни юноши не будете пользоваться никакимъ уваженіемъ».

Существенно необходимое образованіе, по словамъ кардинала состояло въ томъ, чтобы принцы совершенно слѣдовали обычаямъ франковъ, чего будто бы желалъ и покойный отецъ ихъ, т. е. ходили бы въ латинскую церковь и никогда не отдѣлялись бы отъ нея, въ противномъ случаѣ имъ угрожало изгнаніе какъ нечестивымъ и еретикамъ и за этимъ строго приказано было слѣдить лицамъ, находящимся при сиротахъ. За тѣмъ онъ требуетъ, чтобы Палеологи носили латинское платье, съ благоговѣніемъ привѣтствовали папу, кардиналовъ и другихъ особъ; являясь къ нимъ они должны были стоять преклонивши колѣно, пока не позволятъ имъ встать. Все это педагогъ долженъ былъ внушить

своимъ воспитанникамъ и научить ихъ. Можно ли во всемъ этомъ найти сколько нибудь человѣческаго вниманія и сострадапія къ сиротамъ. Не ясно ли, что папа пріютилъ ихъ изъ расчетовъ, изъ угожденія своему честолюбію. Но этимъ еще не ограничились притязанія. Отъ Палеологовъ требовали совершенной покорности, полнаго униженія, а потому не упустили изъ виду отдать приказанія относительно того, какъ они должны были ходить, говорить, смотрѣть и проч. «Постарайтесь, говоритъ Виссаріонъ, чтобы походка принцевъ была твердая, величественная, рѣчь разумная, голосъ тихій и кроткій, взоръ скромный, не обращающійся туда и сюда, чтобы они были для всѣхъ услужливы и вѣжливы, обращались какъ съ своими такъ и чужими одинаково ласково». Даже предписано было какъ они должны вести себя во время прогулки. Если кто на гуляньи будетъ привѣтствовать принцевъ съ открытою головою, то они должны обнажать свою ровно, или болѣе, или менѣе смотря потому кто съ ними встрѣчается. Если они увидятъ, что на встрѣчу имъ идетъ лицо почетное, то они должны встрѣтить его и обращаться съ нимъ сообразно его званію. Говорятъ пусть не много, но вѣжливо: скромно, безъ всякаго смѣха, рѣчь начинаютъ съ видомъ серьезнымъ и обдуманно. Такъ какъ Палеологи должны были являться и на обѣдъ къ своимъ благодѣтелямъ, то и на этотъ случай имъ были предписаны правила; «въ употребленіи пищи должны соблюдать умѣренность, за столомъ сидѣть скромно и чинно». Всѣ эти требованія «въ глазахъ римскаго духовенства были такъ важны и необходимы, что Виссаріонъ нѣкоторыя изъ нихъ потрудился повторить два и болѣе разъ. Особенно кажется занимало святыхъ отцовъ колѣнопреклоненіе,

потому что кардиналъ, сказавши объ этомъ нѣсколько разъ, проситъ педагога позаботиться еще о томъ, чтобы, «принцы становились на колѣни *кстати и ловко*». Дабы рабское ихъ униженіе было пріятно для взоровъ покровителей. Такъ папа и его клевреты хотѣли сдѣлать изъ Палеологовъ не только покорныхъ, униженныхъ рабовъ, но и забаву, игрушку для своего прихотливаго честолюбія. Но чтобы окончательно унизить царевичей, заглушить въ нихъ самое чувство самоуваженія, сознаніе своего достинства, Виссаріонъ возлагаетъ на педагога обязанность заботиться о томъ, чтобы принцы нисколько не тщеславились, но были смиренны и кротки духомъ, чтобы не гордились тѣмъ, что они потомки Императора, но помнили, что изгнанники, сироты, чужестранцы, нищіе, которые не могутъ существовать безъ помощи другихъ. Вотъ условія, на которыхъ приняты были Палеологи подъ покровительство Римскаго первосвященника. Нужно сказать по справедливости, что святѣйшій папа и его клевреты умѣли хорошо воспользоваться сиротствомъ Палеологовъ, ихъ несчастнымъ, безпріютнымъ положеніемъ, въ которомъ сироты должны были исполнять все, чтобы не потребовали отъ нихъ покровители. Впрочемъ Виссаріонъ, кажется, и самъ сознавалъ чрезмѣрную притязательность и тягость этихъ требованій, потому что говоритъ: «я бы написалъ объ этомъ и самимъ отрокамъ, но они могутъ неправильно понять мои слова». Въ концѣ своего письма Виссаріонъ объявляетъ, что по причинѣ заразы принцы не могутъ ѣхать въ Римъ, но такъ какъ и въ Анконѣ распространена была таже болѣзнь, то онъ совѣтуетъ имъ отправиться въ Спцплію, гдѣ воздухъ здоровѣе, и тамъ пробыть до сентября или Ок-

тября. Такимъ образомъ Палеологи должны были отложить свой пріѣздъ въ Римъ. Но какъ скоро болѣзнь прекратилась, они, по старанію Виссаріона, получили отъ папы позволеніе пріѣхать. Изъ выдержекъ письма Виссаріона можно видѣть какой пріемъ могли ждать царевичи при дворѣ святѣйшаго папы тѣмъ болѣе, что содержаніе этого письма нельзя приписать личнымъ требованіямъ Виссаріона, потому что оно было писано по распоряженію папы, при томъ Виссаріонъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ, былъ болѣе другихъ внимателенъ къ семейству Палеологовъ, тогда какъ съ характеромъ папы все, заключающееся въ письмѣ, совершенно согласно. Все что писалъ Виссаріонъ было необходимо для папы. Гордый и честолюбивый Пій не могъ допустить, чтобы тѣ, которые жили его милостію, могли держать себя въ Римѣ, а особенно въ присутствіи его, сообразно со своимъ происхожденіемъ. Они должны были ползать у его ногъ, сидѣть, говорить и проч. тогда и такъ какъ онъ укажетъ. Что же касается до религіозныхъ вѣрованій, костюма и обычаевъ, то могъ ли папа, не принуждать ихъ къ перемѣнѣ всего этого, когда римскіе первосвященники, еще во время независимаго существованія Византійской Имперіи, старались утверждать въ ней латинскіе элементы, по крайней мѣрѣ сильно хлопотали о томъ. И такъ Палеологи какъ только вступили въ Римъ должны были непремѣнно дѣйствовать по предписанной имъ программѣ. Улучшеній для себя они не могли ожидать, потому что уступать въ чемъ либо было не въ духѣ папъ тѣмъ болѣе такихъ, при какихъ жили Палеологи въ Римѣ. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ, принцы обречены были вести жизнь самую стѣсненную. Но такъ какъ

подобную жизнь могутъ переносить только тѣ, которые съ ранняго возраста подготовлены къ ней, то естественно, что царевичи, которыя получили въ дѣтствѣ другія понятія и воспитаніе, не могли долго выполнять все, что требовали отъ нихъ покровители. Для нихъ несносно сдѣлалось переносить притязанія римскаго духовенства, тяжело вести скованную жизнь, они хотѣли свободы. Но достигнуть этого правильнымъ путемъ было трудно, потому что римское духовенство не отступало никогда ни отъ своей политики, ни отъ задуманнаго плана, а потому власть его постоянно тяготѣла надъ Палеологами. Конечно, еслибы принцы были одарены большимъ умомъ и смѣтливостью, въ такомъ случаѣ они могли бы еще улучить свое положеніи не раздражая никого, но къ несчастію природа не особенно щедро наградила ихъ этими способностями. Такимъ образомъ какъ только они стали обнаруживать свое стремленіе къ болѣе самостоятельной и свободной жизни, къ жизни болѣе соотвѣтствующей ихъ высокому рожденію, то римское духовенство еще съ большей настойчивостію стало ограничивать ихъ свободу и всякими мѣрами стѣснять ихъ. Но принцы, рѣшившись во что бы то ни стало добиться свободы, стремились къ ней постоянно и неуклонно, презирая всѣ препятствія. Такъ какъ Палеологи подъ вліяніемъ римскаго духовенства не могли себѣ усвоить истиннаго понятія ни о чести, ни вообще о достоинствѣ человѣка, то и переворотъ въ ихъ жизни совершился очень дурно: послѣ жизни полной лишеній и рабства они вдругъ перешли къ неумѣренной вольности и начали вести себя самымъ предосудительнымъ образомъ; такъ старшій изъ нихъ Андрей неустыдился сочетаться бракомъ съ одною гре-

чанкою сомнительной нравственности и всюду безславилъ себя буйствомъ и распутствомъ. Проводя такимъ образомъ жизнь въ Римѣ, Андрей къ довершенію всего дошелъ до того, что продалъ право свое на Византійскій престолъ королю французскому и утвердилъ это актомъ, совершеннымъ въ 1494 году, вслѣдствіе чего Карлъ VIII торжественно назвался Августомъ и надѣлъ багряницу. Впослѣдствіи Андрей поссорился съ нимъ и передалъ свои права по духовному завѣщанію Фердинанду и Изабеллѣ, государямъ кастильскимъ. Скончался онъ въ Римѣ въ 1502 году. Младшій Палеологъ Мануилъ сдѣлался нисколько не лучше, если не хуже своего брата. Андрей сколько не имѣлъ недостатковъ, но все таки не дошелъ до такого униженія, чтобы искать покровительства въ лицѣ Султана, тогда какъ Мануилъ, забывъ всѣ кровныя оскорбленія рѣшился ѣхать въ Константинополь и тамъ, осыпанный благодѣяніями султана, провелъ остатокъ жизни въ изобиліи.

И такъ послѣднія представители въ мужскомъ колѣнѣ византійскихъ императоровъ далеко не оправдали желаній, надеждъ и расчетовъ представителей римской церкви. Они своимъ предосудительнымъ поведеніемъ, своею расточительною жизнью промотали все свое имущество и къ большому прискорбію папы не оставили ему ничего.

IV.

Кромѣ сыновей Ѳомы, пріѣхала въ Римъ и дочь его Софія, которой настоящее имя Зепанда, дѣвушка весьма ум-

ная и хитрая. Она лучше своихъ братій поняла и характеръ римскаго духовенства и собственное положеніе, а потому и жизнь ея шла инымъ путемъ.

Софья хорошо видѣла, что всякое явное противодѣйствіе и даже противорѣчіе своимъ покровителямъ можетъ повести къ большимъ непріятностямъ, а потому старалась вести себя весьма осторожно и казаться покорной исполнительницей всѣхъ желаній папы и его клевретовъ; видимо она даже пожертвовала своими религіозными убѣжденіями, показывая изъ себя самую ревностную послѣдовательницу флорентинской уніи. Святѣйшіе отцы были очень довольны ея поведеніемъ въ особенности въ то время, когда братья ея ихъ совершенно обезнадеживали. Нѣтъ сомнѣнія, что папы истратившіе не малую сумму на содержаніе Палеологовъ, ни какъ не хотѣли, чтобы пожертвованія ихъ остались безплодными, а потому когда принцы оказались негодными для римской политики, то они обратили особенное вниманіе на царевну Софію.

Такъ какъ папы въ особенности заботились о томъ чтобы обезсилить турецкаго султана, грозившаго опасностью даже самому Риму, то у нихъ сложился планъ сочетать бракомъ царевну Софію дѣвицу умную, красивую и знатную по своему происхожденію съ какимъ нибудь сильнымъ государемъ и чрезъ это вооружить его противъ турокъ, готовыхъ все поглотить и такимъ образомъ отклонить опасность отъ Рима. Съ этою цѣлью еще Пій II, желавшій выдать Софью за кого нибудь изъ католическихъ государей, посылалъ Виссаріона въ разныя европейскія государства, но Виссаріонъ мало имѣлъ успѣха.

Въ это время, отъ нѣкоего Ивана Фрязина *), который занималъ при дворѣ московскаго великаго князя должность денежника (т. е. чеканщикъ монетъ), пришло въ Римъ извѣстіе о вдовствѣ Ивана III. Но Пій II скончался (19 августа 1464 г.) и это знаменитое и многозначительное, по своимъ послѣдствіямъ, сватовство началось при папѣ Павлѣ II, чрезъ посредство того же кардинала Виссаріона, какъ искуснаго въ дѣлахъ политики. Виссаріонъ снарядилъ посольство къ великому князю, состоящее изъ нѣкоего грека по имени Юрія и двухъ итальянцевъ: одного Карла, старшаго брата денежника Ивана, и другого ихъ племянника Антонія. Кардиналъ прислалъ Ивану Васильевичу письмо, въ которомъ объявлялъ, что въ Римѣ проживаетъ племянница послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога, дочь его брата Ѳомы, дѣвица, одаренная красотой, умомъ и исполненная усердія къ греческому закону, изъ-за чего будто бы она отказалась вступить въ бракъ съ королемъ французскимъ и герцогомъ Медіоланскимъ, а какъ единовѣріе соединяетъ уже великаго князя съ княжною, то онъ надѣется, что она не откажется вступить съ нимъ въ супружество.

Иванъ Васильевичъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе римскаго двора и посовѣтовавшись съ матерью, митрополитомъ Филиппомъ и знатнѣйшими боярами, въ слѣ-

*) Прозвище Фрязинъ означало, по словамъ Н. Ив. Костомарова, не болѣе какъ принадлежность къ западнымъ европейцамъ: фрягами называли вообще послѣднихъ, и названіе это, какъ кажется, было ничто иное какъ перепачканное съ теченіемъ вѣковъ древнее названіе варягъ, сначала означавшее сѣверныхъ скандинавовъ, а впослѣдствіи перешедшее въ означеніе европейца вообще.

дующій же мѣсяцъ отправилъ въ Римъ Ивана Фрязина, велѣлъ увидѣть Софію, увѣриться въ ея достоинствахъ и испытать ея мысли касательно брака. Фрязинъ, исполнивъ порученіе великаго князя, возвратился въ Россію и привезъ съ собою портретъ царевны Софьи и пропускныя грамоты отъ папы для проѣзда по всѣмъ католическимъ землямъ.

Въ январѣ 1472 года Фрязинъ отправился въ Италію уже съ требованіемъ руки Софіи, съ подарками папѣ и большою свитою. На дорогѣ послы наши узнали, что папа Павелъ II скончался, но все-таки продолжали путь далѣе. Впрочемъ папа Сикстъ IV, не менѣе своего предшественника, желалъ устроить этотъ бракъ, имѣя въ виду не только вооружить этимъ московскаго великаго князя противъ турокъ, но и пріобрѣсти вліяніе на русскую церковь, такъ какъ греческая царевна была, по мнѣнію ихъ, предана уніи. Сикстъ IV хотѣлъ тоже помощію Ивана III вооружить Золотую орду на турокъ. Все это было предложено въ вопросахъ Фрязину, и тотъ, желая уладить поскорѣе дѣло, увѣрялъ, что все будетъ исполнено. Дѣло дѣйствительно уладилось и царевна Софія въ 1472 году, 24 іюня выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи папскаго легата Антонія и многихъ грековъ. 1 октября прискакалъ во Псковъ гонецъ изъ Ревеля Николай Ляхъ и объявилъ на вѣчѣ, «что греческая царевна, по имени Софія, будущая супруга Великаго князя Ивана Васильевича, ѣдетъ въ Москву, чтобы вы встрѣтили и приняли честно». Псковичи сейчасъ начали приготавливаться къ пріему, сытили медъ, сбирали кормъ. Посадникъ съ боярами отъ всѣхъ концовъ *) отправился

*) частей.

на встрѣчу царевнѣ въ Изборскъ. На седьмой день ихъ пребыванія тамъ, пріѣхалъ изъ Дерпта гонецъ съ приказаніемъ, чтобъ они ѣхали встрѣчать невѣсту Ивана Васильевича на нѣмецкій берегъ.

Въ шести насадахъ, въ сопровожденіи множества лодокъ поѣхали посадники и бояре и встрѣтили Софію въ устьѣ Эмбаха, вышли изъ судовъ и, налившіи кубки и позолоченные роги виномъ и медомъ били ей челомъ; она приняла это отъ нихъ: «въ честь и любовь великую» и объявила, что сей же часъ хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобъ поскорѣе покинуть нѣмцевъ; посадникъ принялъ ее и всѣхъ спутниковъ на свои насады и поплыли къ русскому берегу.

Разъ ступивши на русскую землю, Софія не считала болѣе нужнымъ держать себя подъ маскою; она выказала себя ревностнѣйшею послѣдовательницей православія, принимала благословеніе русскихъ священниковъ, встрѣтившихъ ее передъ Псковомъ и въѣхавши въ городъ, немедленно отправилась въ Троицкій соборъ, прикладывалась къ иконамъ и даже заставила легата приложиться къ образу Пречистой Божіей Матери. Съ своими спутниками стала обращаться гордо, какъ будущая супруга сильнаго Государя.

Въ Псковѣ Софія пробыла всего пять дней и въ это время псковичи вдоволь могли налюбоваться на свиту ея. Ихъ въ особенности занималъ польскій легатъ Антоній, въ красной кардинальской одеждѣ и перчаткахъ. Болѣе всего ихъ поражало то, говоритъ Костомаровъ, что этотъ высокопоставленный духовный сановникъ не оказывалъ уваженія иконамъ и не налагалъ на себя крестнаго знаменія. Такое поведеніе легата, продолжаетъ Костомаровъ, еще

соблазнительнѣе должно было показаться въ Москвѣ, гдѣ менѣе, чѣмъ въ Псковѣ и Новгородѣ, имѣли возможность знать пріемы западныхъ католиковъ. Софія еще только приближалась къ Москвѣ, а туда уже дошла вѣсть, что вездѣ, гдѣ невѣста останавливается, передъ папскимъ легатомъ, который сопровождаетъ ее, несли серебряное литое распятіе—«латинскій крыжъ», Великій князь сталъ совѣтоваться съ боярами: можно ли допустить такое шествіе легата съ его распятіемъ по Москвѣ? Нѣкоторые полагали, что не слѣдуетъ ему препятствовать; другіе говорили: «въ землѣ нашей никогда того не бывало, чтобы латинская вѣра была въ почетѣ». Великій Князь послалъ спросить объ этомъ митрополита. «Нельзя тому статься, сказалъ митрополитъ, чтобъ онъ такъ входилъ въ городъ, да и приближаться къ городу ему такъ не слѣдуетъ; если ты его почтишь, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я въ другія ворота изъ города! Не только видѣть, и слышать намъ о томъ негодится; кто чужую вѣру хвалитъ, тотъ надъ своею вѣрою ругается». Тогда великій князь послалъ сказать легату, чтобъ онъ спряталъ свое литое распятіе. Легатъ, подумавши повиновался, Иванъ Фрязинъ при этомъ усиленно доказывалъ что слѣдуетъ оказать честь папѣ въ лицѣ его легата, такъ какъ папа оказывалъ у себя честь русскому посольству. Но его не слушались; за пятнадцать верстъ отъ Москвы выѣхалъ на встрѣчу невѣстѣ бояринъ великаго князя Ѳедоръ Давидовичъ и 12 ноября Софія въѣхала въ Москву. Тамъ все было уже готово къ бракосочетанію. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви; онъ благословилъ крестомъ какъ царевну, такъ и православныхъ людей, сопровождавшихъ ее. Изъ церкви она отправилась къ матери ве-

ликаго князя, куда тоже прибылъ и Иванъ Васпльевичъ. Тамъ происходило обрученіе. Въ тотъ же день коломенскій протопопъ Іосія обвѣнчалъ московскаго великаго князя съ греческою царевною.

На другой день легатъ представлялся великому князю и поднесъ дары папы. Посольство пробыло въ Москвѣ одиннадцать недѣль. Великій князь угощалъ его, честилъ и щедро дарилъ. Дѣло о соединеніи церквей тоже забыто не было, но легатъ скоро убѣдился, что это дѣло совершенно неосуществимо при религіозномъ направленіи какъ духовенства, такъ и всего народа, а потому Антоній употребилъ все свое стараніе побудить Ивана Васильевича къ войнѣ съ Турціею; не достигнувъ даже и этого, онъ возвратился въ Римъ и возвѣстилъ папу, что Софія обманула всѣ ихъ ожиданія и что какъ онъ ни старался, но не могъ подвигнуть ни къ введенію на Руси уніи, ни къ войнѣ русскихъ съ турками.

V.

«Бракъ московскаго государя съ греческою царевною, говоритъ Костомаровъ, былъ важнымъ событіемъ въ русской исторіи. Собственно какъ родственный союзъ съ византійскими императорами, это не было новостью. Но бракъ Ивана съ Софіею заключенъ былъ при особыхъ условіяхъ. Во первыхъ, невѣста его прибыла не изъ Греціи, а изъ Италіи и ея бракъ открылъ путь сношеніямъ московской Руси съ западомъ. Во вторыхъ, византійскаго государства

не существовало; обычаи, государственныя понятія, пріемы и обрядность придворной жизни, лишенные прежней почвы, искали себѣ новой и нашли ее въ единовѣрной Руси. Пока существовала Византія, Русь хотя усвоила всю ея церковность, но въ политическомъ отношеніи оставалась всегда Русью, да и у грековъ не было поползновенія передѣлать Русь въ Византію; теперь же, когда Византіи не стало, возникла мысль, что Греція должна воплотиться въ Руси и русское государство будетъ преемственно продолженіемъ византійскаго на столько, на сколько русская церковь преемственно была костью отъ костей и плотію отъ плоти греческой церкви. Кстати восточная Русь освобождалась отъ татарскаго порабощенія именно въ ту эпоху, когда Византія была порабощена турками. Являлась надежда, что молодая русская держава, усилившись и окрѣпши, послужитъ главнымъ двигателемъ освобожденія Греціи. Бракъ Софіи съ русскимъ великимъ княземъ имѣлъ значеніе передачи наслѣдственныхъ правъ потомства Палеологовъ русскому великокняжескому дому».

Пріѣздъ Софіи Палеологъ, женщины умной, хитрой и съ сильною волею, много видѣвшей и испытавшей, не могъ не отразиться и не повліять на Ивана Васильевича. Первымъ видимымъ знакомъ той преемственности, какая образовалась въ отношеніи Московской Руси къ Греціи, было принятіе двуглаваго орла, герба восточной Римской Имперіи, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ гербомъ русскимъ. Кромѣ того, Русь стала ознакомляться подробнѣе съ европейскими государствами. Иванъ Васильевичъ выписалъ изъ заграницы людей разныхъ спеціальностей, какъ то напр. врачей, художниковъ, мастеровъ. Дворъ государевъ принялъ тоже

другой видъ, явилась пышность, много новыхъ чиновъ: ясельничаго, конюшаго, постельничаго. Установились разныя церемоніи, какъ напримѣръ цѣлованіе монаршей руки; наконецъ и Москва, похожая дотолѣ на огромное богатое село, стала принимать видъ города и украсилась разными зданіями.

Хотя Иванъ III былъ человѣкъ съ обширнымъ умомъ, съ твердою волею, хотя всѣ его дѣйствія отличались обдуманностью, но все-таки, какъ и всѣ люди, имѣлъ свои слабости, и если бы Пію II не пришла счастливая мысль женить его на Софіѣ, то, можетъ быть, еще долго пришлось Руси испытывать свое горькое состояніе рабства. Дѣйствительно, нельзя отвергать, что Иванъ Васильевичъ не думалъ о сверженіи ига, эту мечту онъ лѣлѣялъ въ своемъ воображеніи, что совершенно доказываютъ его дѣйствія съ удѣльными князьями и его деспотическія наклонности, но все таки не надо забывать, что это былъ еще 1472 годъ, годъ, когда еще Золотая орда была въ своей силѣ. Бракъ его съ Софіею, ея характеръ и умъ были главными причинами, побудившими Ивана на такія рѣшительныя мѣры. Дѣйствительно, въ немъ ропились желанія сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ, задушить всю свободу на Руси, подчинить все своей власти, но у него, можетъ быть, безъ содѣйствія Софіи, безъ ея энергическаго вмѣшательства не достало бы рѣшимости. Есть извѣстіе, что великая княгиня Софья жена хитрая, честолюбивая, не переставала побуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: «доколи мнѣ быть рабынею ханскою»? Фактъ правдоподобный, если взять во вниманіе, что Софія дѣйствительно гордилась своимъ происхожденіемъ; наконецъ

натура у ней была такова, что не хотѣла она, дочь деспота Морейскаго, великая княгиня московская быть подъ ярмомъ Ахматовой воли и необузданности. Разъ освободившись отъ нга папъ, она не хотѣла испытывать что нибудь подобное. Она не упускала ни одного случая ослабить татарскій гнетъ и употребляла всевозможныя мѣры, чтобы унизить ихъ и показать свою силу. Такъ напримѣръ въ Кремлѣ находился особенный для татаръ домъ, гдѣ жили послы, служилые и купцы ихъ, наблюдая за всѣми поступками великихъ князей, чтобы извѣщать хана. Софія не хотѣла терпѣть столь опасныхъ лазутчиковъ, послала дары женѣ Ахматовой и писала къ ней, что она, вслѣдствіе видѣнія, желаетъ создать храмъ на ордынскомъ подворьѣ, проситъ его себѣ и даетъ вмѣсто него другое. Жена Ахмата согласилась; домъ разломали и татары остались безъ пристанища; ихъ уже болѣе въ Кремль не впускали. Есть тоже извѣстіе, что Софія убѣдила Ивана Васильевича не встрѣчать пословъ ордынскихъ — фактъ это чрезвычайно важный, онъ показываетъ, какое вліяніе имѣлъ ясный умъ великой княгини на сильнаго, но еще не сознающаго своей силы Ивана Васпльевича.

Великая княгиня Софія, полезная для Ивана Васильевича въ дѣлахъ государственныхъ, часто отравляла его семейное спокойствіе; она была чрезвычайно сварлива и горда даже передъ родственниками. Она не любила Елену, жену старшаго сына Ивана Васильевича, Ивана Ивановича, вслѣдствіе чего между ними происходили постоянныя ссоры, раздражавшія великаго князя.

Особенно эти непріятности усилились по смерти Ивана молодаго, любимаго сына великаго князя. Иванъ Василье-

вичъ, похоронивъ сына, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, особенно привязался къ юному, осиротѣлому внуку Дмитрію. Эта привязанность не понравилась Софіи и еще болѣе заставляла ненавидѣть Елену и Дмитрія. Противъ Софіи образовалась сильная партія, во главѣ которой было два могучихъ боярина: князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ и зять его князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій; на сторонѣ Софіи стояли дьяки и молодые бояре. Семейный разладъ обратился наконецъ въ государственный заговоръ. Сообщники той и другой партіи видѣли старость Ивана III и начали думать о наслѣдникѣ.

Одни говорили, что престолъ слѣдуетъ Дмитрію, какъ сыну старшаго сына Іоаннова; другіе ставили на видъ, что Василій потомокъ греческаго императора, а потому имѣетъ болѣе правъ. Дѣло приняло серьезный оборотъ для честолюбивыхъ замысловъ Софьи, но она была не изъ тѣхъ натуръ, которыя легко покоряются обстоятельствамъ, а потому она, испробовавъ нѣсколько средствъ и видя, что ей не удается достигнуть цѣли, рѣшилась принять самыя энергическія мѣры для осуществленія своихъ замысловъ.

Она составила планъ, по которому Василій долженъ былъ удалиться въ Новгородскую и Тверскую области, гдѣ не любили московскаго владычества, собрать тамъ войско, схватить Дмитрія и заставить отца признать себя наслѣдникомъ. Планъ чрезвычайно смѣлый и рѣшительный, вполнѣ характеризующій Софію. Но заговоръ былъ открытъ, Софію съ Василіемъ арестовали, а участники ихъ были казнены. Наконецъ, на зло Софіи, 4 января 1498 г. Иванъ Васильевичъ торжественно вѣнчалъ своего пятнадцатилѣтняго внука въ Успенскомъ соборѣ такъ называемою

шапкою Мономаха и бармами. Это было первое коронованіе на Руси. Вопросъ о наслѣдникѣ престола былъ повидимому рѣшенъ. Партія Елены побѣдила. Сынъ ея названъ былъ великимъ княземъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ. Но торжество Елены было не продолжительно. Прошелъ годъ и Иванъ Васильевичъ помирился съ женою и сыномъ. Еще при коронованіи Дмитрія, грозное чело Іоанново изъявляло мучительное смятеніе его души, говоритъ Карамзинъ, такъ что самые усердные доброжелатели Елены не смѣли радоваться, опасаясь перемѣны. И очень естественно было ждать этого. Софья была мать многочисленнаго семейства, женщина умная и хитрая, искусно управлявшая дворомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ и хотя въ опалѣ, но пользовалась довѣріемъ и расположеніемъ своего супруга. Предчувствія приверженцевъ Елены сбылись; не прошло и года, какъ Иванъ возвратилъ свою нѣжность супругѣ и сыну. Велѣвъ снова изслѣдовать бывшіе на нихъ доносы и считая себя обманутымъ, явилъ ужасный примѣръ строгости. 5 февраля 1499 г. знаменитому князю Ряполовскому, приверженцу Елены, струбили голову. Чрезъ нѣсколько времени Иванъ назвалъ Василія государемъ, великимъ княземъ Новгорода и Пскова, началъ оказывать холодность невѣсткѣ и внуку, но однако долго медлилъ отнять старѣйшинство у послѣдняго, признанное за нимъ предъ лицомъ всей Руси и закрѣпленное священными обрядами. Но дворъ, предвидя будущее, уже благоговѣлъ передъ Софіею, удаляясь отъ Елены и ея сына; наконецъ 11-го апрѣля 1502 года Великій князь вдругъ наложилъ опалу на Елену и ея сына.

Запрещено было поминать Дмитрія на ектеніяхъ и нако-

нецъ его съ матерью посадили подъ сильную стражу. Иванъ Васильевичъ мотивировалъ свой гнѣвъ противъ Елены тѣмъ, что она принимала участіе въ явившейся въ то время «жидовской ереси». 14-го апрѣля объявили, что Иванъ жалуетъ сына своего Василія великимъ княземъ и своимъ наслѣдникомъ. Чрезъ два года умерла Елена въ заточеніи, а несчастный сынъ ея Дмитрій долженъ былъ пережить мать и дѣда и изнывать въ тяжкомъ заключеніи. И такъ Софія пересилила своихъ противниковъ, и даже уничтожила ихъ, послѣ чего для нея настало самое спокойное время. Но этимъ спокойствіемъ ей пришлось пользоваться не долго.

Въ 1503 году, 7-го апрѣля, въ 9 часовъ дня она скончалась и погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.